
МОРФОЛОГИЯ

УДК 81'23, 81'367 + 811.512.212
DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-68-80

Перфективная и имперфективная формы глагола в эвенкийском языке

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Аннотация

Обсуждается проблема перфективной и имперфективной основы в эвенкийском языке. Эти две основы, в частности, нужны для аспектуальной классификации глаголов по методике С. Г. Татевосова. Сравниваются аспектуальные свойства перфективной основы (глагольной основы без видовых показателей) и имперфективной основы (глагольной основы с показателем имперфектива). Привлекаются и другие деривационные показатели, при присоединении которых к основе меняются ее аспектуальные свойства. Исследуются свойства перфективных и имперфективных основ глаголов разных аспектуальных классов. Таким образом делается попытка апробировать методику С. Г. Татевосова применительно к языку с деривационным видом, каким является эвенкийский.

Ключевые слова

эвенкийский язык, морфология, глагол, аспектуальный показатель, аспектуальная классификация

Для цитирования

Рудницкая Е. Л. Перфективная и имперфективная основа в эвенкийском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 68–80. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-68-80

Perfective and imperfective verb bases in Evenki

E. L. Rudnitskaya

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

Abstract

This paper addresses perfective and imperfective verb bases in the Evenki language. This language is characterized by extensive verb derivation, with a specific marker signaling imperfective meaning. A verb stem lacking aspect markers is classified as a perfective base, while a stem incorporating an imperfective marker is classified as an imperfective base. For the aspectual classification of verbs using the method developed by S. G. Tatevosov, these two bases are necessary components of the analysis. Analysis using this method requires consideration of the aspectual properties of both perfective and imperfective bases in languages employing specialized aspectual markers, with Evenki being the example of such a language. Syntactic and interpretative testing underpins the aspectual classification, which is predicated on the properties of the two bases. The aspectual classification of verbs includes three primary categories: activities (processes), events, and states. Telicity and stativity constitute the principal parameters of classification. Unlike other languages with established aspectual classifications, including the Tungus language Nanai, Evenki exhibits a scarcity of atelic process verbs due to the near-universal telic interpretation of its perfective base. Additional derivational markers, for example, the durative marker, are also considered. Verb bases incorporating the durative marker may exhibit a process-oriented (imperfective) interpretation, regardless of the presence of an imperfective marker in the base. Hence, applying Tatevosov's theory to the Evenki language and attempting to manipulate perfective and imperfective bases reveals inherent difficulties that necessitate careful consideration.

© Е. Л. Рудницкая, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Keywords

Evenki, morphology, verb, aspectual marker, aspectual classification

For citation

Rudnitskaya E. L. Perfektivnaya i imperfektivnaya formy glagola v evenkiyskom yazyke [Perfective and imperfective verb forms in Evenki]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 68–80. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-68-80

Введение: вид в эвенкийском языке

Предметом настоящей статьи является основа глагола в эвенкийском языке и ее дериваты, полученные с помощью словообразовательных суффиксов. В эвенкийском языке много глагольной видовой деривации [Василевич 1940; Горелова 1979; Константинова 1964; Bulatova, Grenoble 1999; Nedjalkov 1997; Болдырев 2007]. Выделяются следующие видовые показатели, и список этот неполный: DSPRS дисперсив *-ktA-*¹, ITER итератив *-wAn-* / *-wAt-*, DUR дуратив *-t-* / *-či-*, STAT статив *-čA*, IPFV имперфектив *-d'A*, DISTR дистрибутив *-t(i)-*, INCH инхоатив *-l*, INCER инцептив (или семельфактив) *-sin-* / *-hin-*², HAB хабитуалис *-ɲnA-* и др.

Л. М. Горелова отмечает, что имперфективный показатель *-d'A* – наиболее регулярный из всех перечисленных [Горелова 1979: 41], и поэтому она считает его словоизменительным, а не словообразовательным. Однако если использовать критерий обязательности грамматической категории В. А. Плунгяна [Плунгян 2003: 107], то *-d'A* следует признать деривационным³.

Проблема перфективной и имперфективной основы в очередной раз встает в связи с задачей построения аспектуальной классификации глаголов в эвенкийском языке. Такая классификация не проводилась, хотя ее элементы присутствуют в описании видов И. В. Недялкова [Nedjalkov 1997: 246–259]. Для проведения такой классификации с использованием методики С. Г. Татевосова необходимо предварительно фиксировать в исследуемом языке перфективную и имперфективную формы глагола. На данном этапе в эвенкийском языке появляются определенные трудности, к которым мы обратимся в настоящей статье.

1. Основа без видовых показателей (перфективная) и имперфективная основа

С. Г. Татевосов предлагает методику исследования акциональных классов глаголов, которая позволяет произвести акциональную классификацию глагольной лексики в типологически различных языках [Татевосов 2015, 2016]. Каждому эпизодическому употреблению глагола ставится в соответствие один из пяти типов ситуаций (эти типы задаются диагностическими контекстами): процесс⁴ ('бежать'), вхождение в процесс ('побежать'), состояние ('знать'), вхождение в состояние ('узнать'), мультипликативный процесс ('дрожать'). При этом событие ('прибежать') считается вхождением в состояние (когда X прибежал, возникает результирующее состояние 'X находится около говорящего'). Акциональная характеристика глагола складывается или

¹ Заглавные буквы типа *A* в *-ktA* используются для обозначения гласных в аффиксах, которые, подчиняясь нетривиальной разновидности закона гармонии гласных в эвенкийском языке, имеют по три варианта ([a], [ə], [o]), в зависимости от последнего гласного корня. Подробнее см. [Nedjalkov 1997: 314–315].

² Вариант с начальным *-h-* в *-hin-* / *-sin-* употребляется в северных и восточных говорах, а с *-s-* – в южных говорах [Василевич 1948: 12]; в восточных говорах начальное *-h* может выпадать (*-in*). Показатель *-hin-* / *-sin-* часто сокращается до *-h* / *-s* или *-hi* / *-si*, то есть конечное *-in* или *-n* в *-hin* / *-sin* также может выпадать. Возможна форма *-i* (в тех восточных диалектах, в которых выпадает начальное *-h*).

³ Считая показатель *-d'A* словоизменительным, мы признаем, что в случаях его отсутствия у глагольной основы всегда должна быть перфективная интерпретация, то есть она должна обозначать законченное действие. Но это неверно, ср. пример (2а), в котором может быть представлена основа глагола без видовых показателей. В (2а) представлена процессная (имперфективная) интерпретация: то, что он писал письмо два часа, не значит, что письмо было написано за эти два часа (хотя это часто подразумевается).

⁴ Процесс – термин С. Г. Татевосова. В дальнейшем мы употребляем терминологию С. Г. Татевосова, а не З. Вендлера [Vendler 1957]. Примерное соответствие этих двух терминологических систем: деятельность – неопределенный процесс, достижение – предельный процесс, свершение – пунктив. См. также сноску 7.

из характеристик отдельных употреблений словоформ этого глагола в разных временных формах, или из характеристик дериватов одной основы ⁵.

Все языки делятся на языки со словоизменительным и словообразовательным (деривационным) видом. В языке со словоизменительным видом для исследования акциональной характеристики берется глагол в так называемом «перфективном» и «имперфективном» времени – двух временах, в которых с наибольшей частотностью возникает перфективная и имперфективная интерпретации. «Перфективные» времена – это обычно прошедшее время или перфект, а «имперфективные» – настоящее время, имперфект, прогрессив. Пример языка со словоизменительным видом – английский. При описании акциональных характеристик глагола учитываются характеристики этих двух форм в диагностических контекстах.

В языках со словообразовательным видом типа русского перфективные и имперфективные глаголы являются отдельными лексемами, например, русские глаголы *читать* и *прочитать*. Поэтому акциональная характеристика дается не одному глаголу, а группе, включающей перфективный и имперфективный глаголы. Так, *читать* и *прочитать* попадают в одну группу глаголов с общей акциональной характеристикой. В эвенкийском языке, если считать вид деривационным, основы с *-d'A* и без *-d'A* также следует считать отдельными лексемами (что не всегда соблюдается в словарях).

Таким образом, в языке со словоизменительным видом акциональная характеристика присваивается лексеме и выводится из характеристик словоформ «перфективного» и «имперфективного» времени этой лексемы. В языке со словообразовательным видом берутся деривационно связанные лексемы совершенного и несовершенного вида, и акциональная характеристика присваивается группе из этих лексем.

Перфективной С. Г. Татевосов называет «наиболее перфективную» форму, то есть такую, которая в большинстве употреблений обозначает достижение предела. Такое решение носит практический характер (см. сноску 5): мы не можем наблюдать акциональные характеристики лексемы, а только грамматические формы слов в предложении.

Рассмотрим возможные интерпретации эвенкийской глагольной основы без видовых показателей. Событийная интерпретация должна возникать с обстоятельством завершенности (рус. *за две минуты*, *в две минуты*). В работе [Татевосов 2016: 178–179] вводится диагностический контекст для выявления процессной интерпретации: обстоятельство времени в форме аккумулятива (ср. рус. *две минуты*). При переводе предложений с такими обстоятельствами на эвенкийский используется или основа без видовых показателей, или основа с показателем имперфектива *-d'A*. Ср. (1a–б).

- (1) a. *volod'a t̚y̥i-ča-n ɣalə-l-wi d'ur m'inutə-du*
 Володя чистить-PST-3SG рука-PL-RFL два минута-DAT
 'Володя вытер руки за две минуты.'
- б. *volod'a t̚y̥i-(d'ə)-ča-n unta-l-b'i d'ur m'inutə-wə*
 Володя чистить-IPFV-PST-3SG обувь-PL-RFL два минута-ACC
 'Володя вытирал обувь две минуты.'

Можно ли считать перфективной формой глагольную основу без показателей (1a), а имперфективной – основу с показателем IPFV *-d'A* (1б)? И. В. Недалков утверждает, что основу глагола в эвенкийском следует считать нейтральной в аспектуальном отношении (*common*), а не перфективной [Nedjalkov 1997: 247]. Однако перфективная интерпретация основы без аспектуальных показателей очень частотна. В настоящей статье мы придерживаемся точки зрения О. А. Константиновой и Л. М. Гореловой, которые считают, что такой основе свойственна перфективная интерпретация [Константинова 1964: 163; Горелова 1979].

Перфективная форма может обозначать не только событие, как в (1a), но и процесс, как в (2a). В (2a) глагол *duku-* 'писать' обозначает ограниченный промежутком времени, но не приведший

⁵ Такое решение обусловлено проблемой непрямого доступа: непосредственному наблюдению доступны только акциональные характеристики отдельных форм, но не характеристика самой лексемы (лексема – абстрактная единица языка, а не единица живой речи).

к логическому пределу и результату процесс. В (2б) мы видим интерпретацию основы *duku-* как предельного процесса (события).

- (2) а. *niŋan dukuwun-ma d'ur čas-wə duku(-d'a)-ča-n*
 он письмо-ACC два час-ACC написать(-IPFV)-PST-3SG
 'Он (по)писал письмо два часа' {письмо не дописано} [элицитация].
- б. *niŋan dukuwun-ma d'ur čas-li duku*(-d'a)-ra-n*
 он письмо-ACC два час-PROL написать(-IPFV)-NFUT-3SG
 'Он написал письмо за два часа' {письмо дописано} [элицитация].

В (2а) у глагола *duku-* возможна как перфективная (без показателей), так и имперфективная (с показателем *-d'a*) основа. Обе эти основы интерпретируются как процесс. За то, чтобы считать основу глагола без видовых показателей перфективной, свидетельствует тот факт, что эта форма невозможна в наиболее важном для имперфективного значения контексте – актуально-длительном или процессном (3а-б).

- (3) а. *urə-duk əmə-rəki-m niŋan orn-*(d'i)-ča-n*⁶
 тайга-ABL прийти-CVB.COND-PS.1SG он учиться-IPFV-PST-3SG
 'Когда я приехал из тайги, он учился' [элицитация].
- б. *əmə-rək-wun imanna in-*(d'a)-ča-n*
 прийти-CVB.COND-PS.1PL снег таять-IPFV-PST-3SG
 'Когда мы приехали, снег таял' [элицитация].

Имперфективная основа *tukša-d'a-* в (4) с показателем имперфектива *-d'a* может иметь только интерпретацию процесса, но не события (вхождения в состояние).

- (4) *tukša-d'a-ča*
 бежать-IPFV-PTCP.ANT
 '(Он) бежал', *'(Он) прибежал / подбежал / убежал' [элицитация].

Таким образом, мы пришли к тому же выводу, что и Л. М. Горелова и О. А. Константинова: перфективная глагольная основа для эвенкийского языка – это основа без видовых показателей, а имперфективная – основа с показателем *-d'a*. Для другого тунгусского языка, нанайского, в котором аспектуальная классификация по методу С. Г. Татевосова уже проводилась, принято другое исходное предположение [Оскольская 2017: 155–156]: хотя в нанайском есть показатель имперфектива, по крайней мере часть нанайских глаголов допускает и перфективную, и имперфективную (актуально-длительную) интерпретацию основы в контексте (3а-б).

Некоторые основы (*xulə-* 'копать') в данном контексте интерпретируются и как перфективные ('Когда я приехал, он выкопал яму'), и как имперфективные ('Когда я приехал, он копал яму'), а некоторые (*buj-* 'умереть') – только как перфективные ('Когда я приехал, он умер (*умирал)'). Глагол *xulə-* 'копать' должен был бы анализироваться по методике языка со словоизменительным видом, а *buj-* 'умереть' – по методике языка со словообразовательным видом. Поэтому С. А. Оскольская считает, что в нанайском сочетаются признаки языка со словоизменительным и со словообразовательным видом. Такая смешанная методика делает данные по нанайскому языку сравнимыми с данными по другим языкам.

В нанайском языке, в котором, как и в эвенкийском, около десяти аспектуальных показателей, тем не менее нельзя выделить основы, соответствующие перфективной и имперфективной основе в языке типа русского. Значит, основанное на русском видовом противопоставлении определение языка со словообразовательным видом приложимо не ко всем языкам с богатой

⁶ В этом примере мы ставим не звездочку, а звездочку со знаком вопроса, потому что глагол без *-d'a* в данном контексте не является полностью неграмматичным. Носители говорят, что словоформа с *-d'a* более правильная, чем без *-d'a*.

деривацией. Представленные выше данные позволяют все же предположить, что в эвенкийском языке выделение перфективной и имперфективной основ возможно.

2. Анализ глаголов неопределенного процесса

В предыдущем пункте мы обосновали решение считать эвенкийский язык языком с деривационным видом. Мы зафиксировали две основы: перфективную (без видовых показателей) и имперфективную (с показателем имперфектива *-d'A*).

В классификации С. Г. Татевосова выделяется несколько базовых классов динамических глаголов. Они делятся на предельные и неопределенные: первые в перфективной форме обозначают вхождение в состояние (событие), а вторые – процесс. Предельные глаголы далее делятся на сильные и слабые⁷, а среди неопределенных можно выделить подвиды, связанные с инхотативной интерпретацией (вхождение в процесс).

При таком исходном предположении тест на принадлежность к группе сильных предельных глаголов в эвенкийском языке – это невозможность перфективной формы в контексте аккумулятивного обстоятельства длительности или в контексте с экспликацией незаконченности действия. Например, сильный предельный глагол *bu-* ‘дать’ допускает только имперфективную форму с обстоятельством времени в аккумулятиве (5а). В (5б) показан контекст с *i-* ‘войти’ с экспликацией незавершенности действия.

- (5) а. *Nuŋan buʔ(-t)⁸*(-d'A)-ča-n omolgi-čan-du*
 он дать-DUR-IPFV-PST-3SG мальчик-DIM-DAT
pəktira-wun-mə tunŋa minuta-wə
 стрелнуть-NMLZ-ACC пять минута-ACC
 ‘Он давал мальчику ружье пять минут’ [элицитация].

- б. *nuŋan i*(-d'A)-čə-n d'u-l'a,*
 он войти-IPFV-PST-3SG дом-LOC
ə-mnə-n i-rə
 NEG-DER⁹-3SG войти-PTCP.NEG
 ‘Он входил в дом, (но) не вошел’ [элицитация].

В класс неопределенных глаголов (обозначающих процесс, не имеющий результата или естественного предела) в багвалинском, марийском и татарском языках входят такие глаголы, как ‘кружиться’, ‘идти (о дожде)’, ‘мучить’, ‘кашлять’, ‘бежать’, ‘жужжать’, ‘лететь’ [Татевосов 2016: 217]. У таких глаголов в перфективной форме имеется только процессная, но не предельная интерпретация: получается, что у них в обеих исследуемых формах нет предельной интерпретации.

В эвенкийском языке многие из данных глаголов являются слабыми предельными, как и «прототипические» слабые предельные глаголы, такие как ‘писать’ (см. (2а-б)) – к этой группе относятся глаголы движения. Такие глаголы без показателя *-d'A* могут интерпретироваться как события (предельные процессы), ср. (6а-б) с глаголами *dəg-* ‘лететь’ и *tuksa-* ‘бежать’. В (7а-б)–(9а-б) приведены данные по глаголам *tuŋna-* ‘мучить’, *tigdə-* ‘идти (о дожде)’, *karaj-* ‘заботиться’.

⁷ Сильным предельным глаголом С. Г. Татевосов называет глагол, который в перфективной форме не может интерпретироваться как процесс. Слабым предельным глаголом называется глагол, который в перфективной форме имеет и интерпретацию процесса, и вхождения в состояние (события).

⁸ В имперфективной словоформе также может быть показатель дуратива *-t / -či* – о нем см. п. 3.

⁹ Г. М. Василевич называет *-mnA* суффиксом вторичной основы глагола [Василевич 1958: 774], то есть суффиксом, образующим от глагольной основы другую глагольную основу с родственным, но отличным значением. Например, *ildu-* ‘дать займы’ → *ildu-mna* ‘оказать помощь’, *il-* ‘встать’ → *ili-mna* ‘поставить’. Подобные показатели вторичной основы, инвариант значения которых трудно установить, широко распространены в эвенкийском языке.

- (6) а. *ju-rəki-m* *dəyi* ***dəy-ča-n*** *d'u* *ojo-li-n*
 выйти-CVB.COND-1SG птица лететь-PST-3SG дом верх-PROL-PS.3SG
 ‘Когда я вышел, птица пролетела (#летела) над домом’ [элицитация].
- б. ***tuksa-ra-n***
 бежать-NFUT-3SG
 ‘(Он) прибежал (подбежал)’ [элицитация].
- (7) а. *si* *minə-wə* ***muŋna-ə-nni***
 ты я.OBL-ACC мучить-NFUT-2SG
 ‘Ты меня замучил’ [элицитация].
- б. *si* *minə-wə* ***muŋna-d'ə-ə-nni***
 ты я.OBL-ACC мучить-IPFV-NFUT-2SG ¹⁰
 ‘Ты меня мучишь’ [элицитация].
- (8) а. *ju-čal'a-m* ***tigdə-ča-n***
 выйти-CVB.LIM-1SG идти(о дожде)-PST-3SG
 ‘Когда я вышел, прошел (небольшой) дождь’, *‘Когда я вышел, шел дождь’ [элицитация].
- б. *əmə-čal'a-m* ***tigdə-d'a-ča-n***
 прийти-CVB.LIM-1SG идти (о дожде)-IPFV-PST-3SG
 ‘Когда я приехал, шел дождь’ [элицитация].
- (9) а. *nuŋan* *minə-wə* ***karaj-ča-n*** ¹¹
 он я.OBL-ACC заботиться-PST-3SG
 (А) ‘Он меня воспитал’, (Б) ‘Он обо мне заботился’ [элицитация].
- б. *nuŋan* *minə-wə* ***karaj-d'a-ča-n***
 он я.OBL-ACC заботиться-IPFV-PST-3SG
 ‘Он обо мне заботился’ [элицитация]

Мы видим, что перфективная форма от всех трех глаголов имеет как минимум одно событийное осмысление. С нашей точки зрения, ‘прошел дождь’ в (8а) – это событие, так как дождь начался, шел и перестал. В (9а) перфективная форма *karaj-* может в одном из осмыслений (‘воспитать’) обозначать предельный процесс. Можно рассматривать эти значения как два отдельных глагола (предельный ‘воспитывать’ и неопредельный ‘заботиться’). Так, в [Татевосов 2016: 307] глаголы *писа́ть* и *дописа́ть* не считаются членами одной аспектуальной группы, потому что между ними не только аспектуальные, но и другие смысловые различия.

В работе [Татевосов 2016: 214] отмечается, что неопредельные глаголы движения, например, в марийском языке, могут иметь свойства предельных (синтаксическая предельность) при наличии у них обстоятельства, указывающего на конечную точку типа ‘в контору’. В примерах выше мы сталкиваемся с предельностью этих глаголов без дополнительного синтаксического контекста. По приведенным результатам получается, что неопредельных глагольных основ в эвенкийском почти нет. Примером такого глагола можно считать *tiŋina* ‘жужжать’ – жужжание вообще ни в какой ситуации не предполагает логического предела (кроме окончания):

¹⁰ В этом примере мы привели глоссирование *muŋna-d'a-ra-n* как ‘мучить-IPFV-NFUT-3SG’. Большинство исследователей считает, что показатели *-d'A* и *-rA* грамматикализуются в один показатель *-d'ArA* со значением настоящего времени (PRS). В работе [Морозова, Рудницкая 2022] высказываются аргументы против полной грамматикализации данного сочетания. В настоящей работе *-d'ara* рассматривается как имперфективная основа, состоящая из двух показателей. Если заменить *-rA* на показатель прошедшего времени *-čA*, интерпретации предложений будут аналогичные.

¹¹ Заимствование из якутского (*haraj-*).

- (10) *d'uɣu.ktu* *tiɣina-rə-n* *dəɣi-l-lə-n*
пчела жужжать-NFUT-3SG лететь-INCH-NFUT-3SG
'Пчела прожужжала (#зажужжала) и улетела' [элицитация].

В корпусах рассказов для глаголов движения выявлены похожие закономерности. Например, у глагола *tukša-* 'бежать (о человеке)' встречаются осмысления 'прибежать', 'подбежать', 'убежать'; у *hukti-* 'бежать (о животном)' – осмысления 'побежать', 'убежать', 'бежать'; у *dəg-* 'лететь' – осмысления 'лететь', 'полететь', 'прилететь', 'подлететь' и т. д.

- (11) а. *əwa* *amaški* *tukša-o-š?*
почему назад бежать-NFUT-2PL
{Наши мужья спрашивают:} 'Почему вы прибежали обратно?' [корпус INEL].

б. *hilba-kal* *min-du* *ud'a* – *i-tiki*
показать-IMPER.2SG я.OBL-DAT дорога где-ALL
bi *tukša-d'a-m*
я бежать-FUTCNT-1SG
'Покажи мне дорогу, по которой я убегу!' {Девочка спасается от Бабы Яги} [корпус INEL].

в. *tukša-ra-wun* *tādū ... in-d'a-rə-n*
бежать-NFUT-1PL(EXCL)там жить-IPFV-NFUT-3SG
ješ'o *tiha-ktā-d'a-rə-n*
еще плыть-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG
'Подбежали мы, там он живет еще, плавает...' {о медведе} [корпус].

Осмысление 'бежать' (процесс) возникает редко: или при элицитации в контексте аккузативного обстоятельства (12а), или в контексте долго продолжающегося действия (найденно только для другого глагола *asa-* 'гнать' (12б)).

- (12) а. *nuɣan* *goro-wo* *tukša-ča*
он далекий-ACC бежать-PTCP.ANT ¹²
'Он долго бежал' [элицитация].

б. *həta-n* *asa-ra-n* *asa-ra-n*
прыгать-NMLZ гнать-NFUT-3SG гнать-NFUT-3SG
'Вскачь гнал, гнал' {Муж рассказчицы с собакой так и не догнал медведя} [корпус].

Таким образом, большинство глаголов движения и многие другие глаголы, которые в других исследованных языках попадают в класс неопределенных, в эвенкийском языке являются предельными. Эта закономерность свидетельствует в пользу того, что глагольная основа без видовых показателей является перфективной.

3. Показатель дуратива *-t / -č'i* и его соотношение с перфективной и имперфективной основами

В пилотном эксперименте носители иногда давали перевод (русской) имперфективной основы в стимульных предложениях с аккузативным обстоятельством с показателем *-t / -č'i*, а не с имперфективным показателем *-d'A*. Например:

- (13) а. *nuɣan* *i-t-tə-n* ¹³ *d'u-la* *d'ur* *minutə-wə*
он войти-DUR-NFUT-3SG дом-LOC два минута-ACC
'Он входил в дом две минуты' [элицитация].

¹² Причастия в эвенкийском языке могут функционировать как финитные глаголы [Калинина 2001].

¹³ Как вариант, носители указывают словоформу *i-t-čə-ča* войти-DUR-IPFV-PTCP.ANT 'входил' с показателями *-d'A* и *-t / -č'i*.

б. <i>nuɣan uyiri-t-tə-n</i> 3SG поднять-DUR-NFUT-3SG 'Он поднимал ведро две минуты' [элицитация].	<i>wədro-wə</i> ведро-ACC	<i>d'ur</i> два	<i>minuta-wə</i> минута-ACC
в. <i>kuɣakan ukčə-t-tə-n</i> ребенок ломать-DUR-NFUT-3SG 'Ребенок ломал игрушку (целый) час' [элицитация].	<i>əwikan-mə</i> игрушка-ACC	<i>umun</i> один	<i>čas-wə</i> час-ACC

Из примеров (13 а, б, в) ¹⁴ мы заключаем, что основа с *-t / -či* обозначает процесс, а не событие: это диагностический контекст для процессной интерпретации. Основа с *-t / -či* перфективная или имперфективная? Если имперфективная, то придется считать не одну, а две глагольные основы имперфективными: с *-t / -či* и с *-d'A*. Если перфективная, то данные глаголы будут считаться слабыми предельными, в то время как по крайней мере глагол *i-* 'входить' по результатам исследованных по методике С. Г. Татевосова языков – кандидат в класс сильных предельных глаголов. В (5б) показано, что перфективная форма *i-* невозможна в контексте эксплицирования незаконченности действия, а в (14а) видно, что для *i-*, как и для *bu-* 'дать' в (5а), перфективная форма невозможна в конструкции с аккузативным обстоятельством времени. (14б) в сравнении с (13б) показывает, что форма с *-t / -či* заменима на форму с *-d'A*:

(14) а. <i>*nuɣan i-rə-n</i> он войти-NFUT-3SG 'Он входил в дом две минуты' [элицитация].	<i>d'u-la</i> дом-LOC	<i>d'ur</i> два	<i>minutə-wə</i> минута-ACC
б. <i>nuɣan uyiri-čə-rə-n</i> он поднять-IPFV-NFUT-3SG 'Он поднимал ведро две минуты' [элицитация, тот же носитель, что (13б)].	<i>wədro-wə</i> ведро-ACC	<i>d'ur</i> два	<i>minuta-wə</i> минута-ACC

Не вдаваясь в семантику *-t / -či*, на которую у исследователей нет единой точки зрения ¹⁵, заметим, что в корпусах этот показатель выглядит как нейтральный по перфективности. Исследователи отмечают, что *-t / -či* во многих случаях – деривационный показатель без четко определяемого значения: для дериваций в (15а-д) трудно найти общий инвариант. В (16а-б) из корпуса с *-t / -či* подразумевается множественное действие (с несколькими субъектами), но не процесс. Примеры, в которых, словоформа с *-t / -či* и без *-d'A* имеет процессную интерпретацию, в корпусе также найдены, см. (17б) в сравнении с (17а).

(15) а. <i>təgə-</i> 'сесть' → <i>təgə-t-</i> 'сидеть' [Болдырев 2007: 607–612; Мыреева 2004]
б. <i>ɣəl'ə-</i> 'испугаться' → <i>ɣəl'ə-t-</i> 'бояться'
в. <i>buri</i> 'выронить' → <i>buri-t-</i> 'ронять (листья, перья, шерсть)'
г. <i>anɣə-</i> 'ночевать' → <i>anɣə-t-</i> 'ночевать, спать'
д. <i>əti-</i> 'разорвать' → <i>əti-t-</i> 'порвать, вырвать, оторвать, оборвать'

¹⁴ Все эти примеры объединены тем, что описываемый процесс чрезмерно затянут. На вопрос о том, чем отличаются формы с показателями *-d'A* и *-t / -či*, носители отвечают, что формы с *-d'A* более нейтральны, а формы с *-t / -či* предполагают, что действие производилось недостаточно хорошо для достижения результата, например:

(i) а. <i>nuɣan i-t-tə-n – i-t-tə-n</i> он войти-DUR-NFUT-3SG дом-LOC два час-ACC 'Он входил в дом два часа, так и не вошел' [элицитация].	<i>d'u-la</i> дом-LOC	<i>d'ur</i> два	<i>čas-wə</i> час-ACC	<i>əčə-dat</i> NEG-FOC	<i>i-rə</i> войти-PTCP.NEG
б. <i>nuɣan i-d'ə-rə-n</i> он войти-IPFV-NFUT-3SG дом-LOC два час-ACC 'Он входит в дом две минуты' [элицитация].	<i>d'u-la</i> дом-LOC	<i>d'ur</i> два	<i>minutə-wə</i> минута-ACC		

¹⁵ Есть несколько точек зрения на значение показателя дуратива *-t / -či*: он обозначает (ограниченно) продолженный вид [Константинова 1964: 164–165, Горелова 1979: 51]; основным его значением является результативное [Болдырев 2007: 607–612], например, в (15а-б); *-t / -či* – вид «краткости, действительности» действия [Василевич 1958: 790]. Последнее определение не связывает *-t / -či* с перфективностью или имперфективностью, или результативом, однако упоминает параметр длительности. В (15г), например, значения производной основы и деривата идентичны, тут подходит только определение Г. М. Василевич.

- (16) а. *kətə omolgi-l min-tiki əmə-do-wər*
 много юноша-PL я.OBL-ALL прийти-CVB.PURP-RFL.PL
n'ikə-ŋki-tin, hokto-du bu-t-tə-ø.
 собираться-PSTITER-3PL дорога-DAT умереть-DUR-NFUT-3PL
 'Ко мне пытались приезжать многие юноши, но они погибли по дороге' [корпус INEL].

- б. *doktor luča-l hulyapti-r'-wa-tin*
 доктор русский-PL принести в жертву-NMLZ.INST-ACC-PS.3PL
n'odu-ra-ø, hal-wa-tin toyo-du ili-t-a-ø
 бросить-NFUT-3PL часть-ACC-PS.3PL огонь-DAT сжечь-DUR-NFUT-3PL
 'Русские доктора побросали жертвы, некоторые сожгли на огне' [корпус INEL].

- (17) а. *ami-m ičə-t-tə-n tər=kə*
 отец-PS.1SG видеть-DUR-NFUT-3SG тот=FOC
mōtī nuŋan-dulā-n hukti-d'ə-rə-n
 лось 3SG-LOC-PS.3SG бежать (о животном)-IPFV-NFUT-3SG
 'Отец посмотрел: тот-то лось на него бежит' [корпус].

- б. *goro-di-wə ičə-t-tə-w mǎ-r-wər*
 долгое.время-ATR-ACC видеть-DUR-NFUT-1PL(EXCL) RFL-PL-ACC.RFL.PL
 'Долгое время смотрели друг на друга' [корпус].

Глагол с показателем *-t / -čī* в корпусе также может переводиться настоящим историческим временем глагола, ср. (18а-б).

- (18) а. *nuŋan bodo-wu-t-tə-n oror-wo*
 он следовать-CAUS-DUR-NFUT-3SG олень-ACC
 'Он ведет оленей' (настоящее историческое) [корпус].

- б. *bi guni-čī-Ø-m*
 я сказать-DUR-NFUT-1SG
 'Я говорю: ...' (настоящее историческое) [корпус].

При элицитации были получены дополнительные примеры (19а-б):

- (19) а. *ukčə-wu-t-tə-n*
 ломать-PASS-DUR-NFUT-3SG
 'Ломался (один раз, когда-то)' {о буране, ответ на вопрос, ломается ли буран} [элици-
 тация].

- б. *nuŋan simki-t-tə-n*
 он кашлять-DUR-NFUT-3SG
 'Он покашлял' [элицитация].

Если в (19а) употребление глагола с *-t / -čī* неэпизодическое, то в (19б), как кажется, имеется в виду мультипликативный процесс. Таким образом, показатель дуратива является проблемой для применения акциональной анкеты.

В аспектуальной анкете исследование можно ограничить «неосложненной» перфективной и имперфективной основами, не учитывая «дополнительные» основы с другими аспектуальными показателями. Возможно, такое решение и следует принять, хотя оно не подходит для языка с богатой деривацией. Это решение также расходится с решением С. А. Оскольской в нанайском языке [Оскольская 2017]. Как уже говорилось в конце п. 1, С. А. Оскольская полагает, что если данная основа без видовых показателей принимает то или иное аспектуальное значение, она рассматривается сама по себе, а если это аспектуальное значение не найдено у данной основы, основа рассматривается вместе с некоторым видовым показателем, с тем, с которым у нее есть нужное аспектуальное значение. Мы же предлагаем рассматривать основу без видовых

показателей и основу с показателем имперфектива, не рассматривая больше никакие видовые показатели.

Есть и эмпирические данные против такого подхода. Например, у глаголов *od'o-* ‘экономить’ и *simki-* ‘кашлять’, как показано в (20) и (21), имперфективная основа образуется с помощью *-t / -či*, а перфективная – с помощью *-hin / -sin*¹⁶. Употребление этих основ без этих видовых показателей не зафиксировано ((20а,в) и (21а,в))¹⁷.

<p>(20) а. *<i>nuŋan simki-ra-n</i>
 он кашлять-NFUT-3SG
 подр. ‘Он кашлял’, ‘Он кашлянул’
 [элицитация].</p> <p>б. <i>nuŋan simki-in-a-n</i>
 он кашлять-INCEP-NFUT-3SG
 ‘Он кашлянул’ [элицитация].</p> <p>в. *<i>nuŋan simki-d'a-ra-n</i>
 он кашлять-IPFV-NFUT-3SG
 подр. ‘Он кашляет’ [элицитация].</p> <p>г. <i>nuŋan simki-t-ča-ra-n</i>
 он кашлять-DUR-IPFV-NFUT-3SG
 ‘Он кашляет’ [элицитация].</p> | <p>(21) а. *<i>nuŋan od'o-ro-n</i>
 он экономить-NFUT-3SG
 подр. ‘Он экономил’, ‘Он сэкономил’
 [элицитация].</p> <p>б. <i>nuŋan od'o-in-a-n</i> [элицитация]
 он экономить-INCEP-NFUT-3SG
 ‘Он сэкономил’ [элицитация].</p> <p>в. *<i>nuŋan od'o-d'o-ro-n</i>
 он экономить-IPFV-NFUT-3SG
 подр. ‘Он экономит’ [элицитация].</p> <p>г. <i>nuŋan od'o-t-čo-ro-n / od'o-t-to-n</i>
 он экономить-DUR(-IPFV)-NFUT-3SG
 ‘Он экономит’ [элицитация].</p> |
|---|--|

Кроме того, методика С. Г. Татевосова для языка со словоизменительным видом предполагает, что аспектуальная характеристика дается не видовым парам, а множествам родственных между собой глаголов, между которыми есть (только) аспектуальные различия, например, в (22а-б).

<p>(22) а. [написать, пописать, писать]
 б. [запеть, спеть, попеть, запевать, петь]</p> | <p>[P, ES; P]¹⁸ [Татевосов 2016: 315]
 [EP, ES, P; P] [Там же: 329]</p> |
|---|--|

Если следовать данному принципу, дериваты глагольной основы со всеми аспектуальными показателями и их комбинациями должны учитываться (см. также [Оскольская 2017: 161 и далее]). Действительно, если взять неосложненную основу и родственную ей основу с показателем *-t / -či* (15а-б) или *-ča* (стативный вид, (23а-б)), мы получаем группы родственных глаголов с инцептивно-стативной характеристикой. Группа из неосложненной основы и основы с показателем *-hin / -sin* (23в-г) характеризуется как двупредельная.

<p>(23) а. <i>d'on-</i> ‘вспомнить’
 б. <i>awla-</i> ‘надеть шапку’
 в. <i>tuksa-</i> ‘бежать, прибежать, подбежать’
 г. <i>aŋa-</i> ‘гнать, прогнать’</p> | <p>→ <i>d'on-ča-</i> ‘помнить’
 → <i>awla-ča-</i> ‘быть в шапке’
 → <i>tuksa-hin-</i> ‘убежать, побежать’
 → <i>aŋa-hin-</i> ‘прогнать, погнаться’</p> |
|--|--|

В этой связи встает вопрос и о показателе инхоатива *-l*, родственном нанайскому показателю *-lo / -lu*. С. А. Оскольская излагает аргументы против того, чтобы учитывать дериваты с *-lo / -lu* в акциональной классификации: (а) то, что этот показатель регулярен; (б) то, что он всегда меняет акциональный класс (процесс → вхождение в процесс, состояние → вхождение в состояние); (в) то, что он переводит некоторые глаголы из класса состояний в класс процессов (состояние → процесс) [Оскольская 2017: 171–173]. По нашим данным, последний аргумент для эвенкийского языка не совсем верен, потому что в этом случае исходный глагол ‘состояние’

¹⁶ Вслед за грамматикой [Nedjalkov 1997], в работе [Рудницкая, в печати] отмечается, что *-hin / -sin* в эвенкийском языке – показатель семейфактива.

¹⁷ Хотя в других диалектах основы типа (20а) и (20в) зафиксированы.

¹⁸ P, ES, EP и др. – обозначения аспектуальных типов ситуаций, см. список сокращений.

омонимичен существительному: *aktira* ‘темнота’, ‘темный’ → *aktira-l-* ‘темнеть’ (ср. *hawa* ‘работа’ → *hawa-l-* ‘работать’). Так что показатель *-l* в таких словах – это, вероятно, омонимичный инхоативному показатель вербализации¹⁹.

Заключение

В данной статье эвенкийский язык был рассмотрен с точки зрения аспектуальной классификации глаголов. Были приведены промежуточные результаты применения аспектуальной классификации по методике С. Г. Татевосова к эвенкийскому языку, показаны плюсы и минусы этой методики. Мы пришли к выводу, что данная методика только частично применима к эвенкийскому языку. С. Г. Татевосов создавал свою методику для языка с деривационным видом на материале русского языка, и эта методика прошла апробацию только на материале нанайского языка (языка с большим количеством деривационных показателей, так же как и эвенкийский язык). Как и С. А. Оскольская, мы полагаем, что данная методика нуждается в модификации, чтобы получить все те классы, которые были получены С. Г. Татевосовым на материале языков со словоизменительным видом.

Список условных обозначений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ALL – аллатив; ANT – (причастие) предшествования; ATR – атрибутив; CAUS – каузатив; COND – (конверб) условия; CVB – конверб (деепричастие); DAT – датив; DISTR – дистрибутив; DSPRS – дисперсив; DUR – дуратив; EP – вхождение в процесс; ES – вхождение в состояние; EXCL – эксклюзивное (множественное число); FOC – фокусная частица; FUTCNT – непосредственно будущее (время); HAB – хабитуальное (причастие); IMPER – императив; INCER – инцептив (вид); INCH – инхоатив (вид); INST – инструментальная (номинализация); IPFV – имперфектив (вид); ITER – итератив (вид); LIM – лимитативное (деепричастие); LOC – локатив (падеж); MP – мультипликативный процесс; NEG – отрицательное (причастие); NFUT – небудущее (время); NMLZ – показатель номинализации; OBL – косвенная (основа); P – процесс; PASS – пассив; PL – множественное число; PROL – пролатив (падеж); PS – посессивный (аффикс); PST – прошедшее (время); PSTITER – прошедшее итеративное (время); PTCP – причастие; PURP – (конверб) цели; RFL – рефлексив; S – состояние; SG – единственное число; STAT – статив (вид).

Список литературы

- Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / Под ред. В. А. Роббека. Новосибирск: Наука, 2007. 477 с.
- Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1940. 195 с.
- Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1948. 352 с.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 802 с.
- Горелова Л. М. Категория вида в эвенкийском языке / Под ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Калинина Е. Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 221 с.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 274 с.
- Морозова О. Н., Рудницкая Е. Л. Аорист в эвенкийском языке // Малые языки в большой лингвистике. Вып. 4 / Под ред. И. А. Хомченковой. М.: Буки-веди, 2022. С. 222–240.
- Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук / Под ред. В. А. Роббека. Новосибирск: Наука, 2004. 796 с.
- Оскольская С. А. Аспект в нанайском языке: Дис. канд. ... филол. наук. СПб: ИЛИ РАН, 2017. 420 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2003. 383 с.

¹⁹ Г. М. Василевич выделяет два омонимичных показателя *-l* – показатель номинализации и инхоативный показатель [Василевич 1958: 765–766].

Рудницкая Е. Л. Особенности семelfактива в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. № 11 (2). С. 101–112.

Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. 368 с.

Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. 555 с.

Bulatova N., Grenoble L. *Evenki* (Languages of the world / Material 141). München: Lincom Europa, 1999. 67 p.

Nedjalkov I. *Evenki*. London; New York: Routledge, 1997. 344 p.

Список источников

Корпус – Малые языки России. Эвенкийский корпус / Создан Е. Л. Клячко (2010–2023 гг.). URL: <https://minlang.iling-ran.ru/corpora/evenki>, <http://gisly.net/corpus/>

Корпус INEL – Däbritz C. L., Gusev V., Stoyanova N. 2024. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>, <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

References

Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 477 p. (In Russian)

Bulatova N., Grenoble L. *Evenki* (Languages of the world/Material 141). München, Lincom Europa, 1999, 67 p.

Gorelova L. M. *Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke* [Aspect category in the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 120 p. (In Russian)

Kalinina E. Yu. *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii* [Non-finite predicates in matrix sentences]. Moscow, ILS RAS, 2001, 221 p. (In Russian)

Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki. Phonetics. Morphology]. Moscow, Nauka, 1964, 274 p. (In Russian)

Morozova O. N., Rudnitskaya E. L. Aorist v evenkiyskom yazyke [Aorist in the Evenki language]. In *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike* [Minor languages in general linguistics]. Moscow, Buki-vedi, 2022, vol. 4, pp. 222–240. (In Russian)

Myreeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian vocabulary]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 796 p. (In Russian)

Nedjalkov I. *Evenki*. London – New York, Routledge, 1997, 344 p.

Oskol'skaya S. A. *Aspekt v nanayskom yazyke* [Aspect in Nanai]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, ILS RAS, 2017, 420 p. (In Russian)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to problematics]. Moscow, URSS, 2003, 383 p. (In Russian)

Rudnitskaya E. L. Osobennosti semel'faktiva v evenkiyskom yazyke [Special features of semelfactive in Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 2025, no. 11 (2), pp. 101–112. (In Russian)

Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in vocabulary and grammar]. Moscow, LRC Publishing House, 2015, 368 p. (In Russian)

Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and typology of actionality]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, 555 p. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow, GIINS, 1958, 802 p. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) grammar]. Leningrad, Uchpedgiz, 1940, 195 p. (In Russian)

Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad, Uchpedgiz, 1948, 352 p. (In Russian)

List of sources

Däbritz C. L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>, <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search> In *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

Malye yazyki Rossii. Evenkiyskiy korpus [Corpus – Minor languages of Russia. Evenki corpus]. Compiled by E. L. Klyachko (2010–2023). URL: <https://minlang.iling-ran.ru/corpora/evenki>, <http://gisly.net/corpus/> (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.02.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Елена Леонидовна Рудницкая – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Elena L. Rudnitskaya – Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

erudnitskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4455-262X>